

Отнюдь не редкостью в поздней Византии были объединенные «светско-духовные» посольства. Роль церкви в политической, общественной и культурной жизни империи постепенно возрастала. Это был закономерный процесс, обусловленный усиливающейся слабостью светской власти внутри страны и повышением значения вопроса о церковной унии на международной арене. Уже при Михаиле VIII в посольство в Сербию, доставлявшее малолетнюю дочь императора Анну, помолвленную с Милутином, сыном краля Стефана Уроша, наряду со светскими сановниками были включены патриарх, хартофилак св. Софии и епископ Траянополь (*Pachym.* I. P. 350—351). Посольство Анны Савойской к Стефану Душану с требованием выдать ей Иоанна Кантакузина на расправу возглавляли придворный сановник Георгий Лука и митрополит Макарий (*Cant.* II. P. 305.23—307.11).

Для знаменитого посольства на Русь в 1393 г. оба посла — архиепископ вифлеемский Михаил и придворный чиновник императора Мануила II Палеолога Алексей Аарон — были отобраны совместно императором и патриархом, которые проинструктировали послов устно, а «для большей надежности» снабдили письменным «наказом». В этом интереснейшем документе говорится следующее: «Говорим и наказываем вам, чтобы вы прежде всего имели духовное единение и согласие, как мы вас соединили, и соблюдали бы мир и любовь между собою, о чем мы вам часто наказывали. Ибо ни ты, архиепископ, не должен никогда говорить, что избран мною, патриархом, или что имеешь от меня особую грамоту или просто какое-то слово, которого не знает Аарон; ни ты, Аарон, не должен говорить, что избран и послан высочайшим и священным моим самодержцем, имеешь какое-либо особое его указание, которого не знает архиепископ вифлеемский; мы вместе, священный император и я (патриарх), избрали вас и, что имеем сказать через грамоты или устно, передали вам обоим, так что никто из вас не имеет ничего особенного и сокрытого, но все сделано для вас общим и явным. А поскольку вы так соединены нами и не имеете никакой причины для раздора, то вы и должны пребывать в согласии и мире между собой, прежде всего во славу Бога и нас, избравших вас для этого дела, потом — и для вашей чести». Послам было предписано иметь при себе все грамоты (имеется в виду знаменитое послание патриарха Антония великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу, письма митрополиту Киевскому и всея Руси Киприану, епископу Новгородскому Иоанну и новгородскому клиру, архиепископу Суздальскому Ефросинию), а по приезде в Москву сообщать отдалить их «преосвященному митрополиту Киева и всея Руси и благороднейшему великому князю всея Руси». Любопытны также конкретные указания о поведении послов во время переговоров в Москве. «Всякий раз, — говорится в инструкции, — как вы увидите их (т. е. митрополита и великого князя), по служебным ли делам, ради которых вы посланы, или просто для беседы, как друзья и апокрисиарии, по своему ли желанию, или когда они пригласят вас, оба ли вместе, митрополит и великий князь, или {351} каждый из них особо, — беседуйте с ними оба; но никто из вас порознь ни под каким предлогом пусть не видится ни с великим князем, ни с митрополитом»²⁹. Очевидно все же, что гетерогенность подобных объединенных «светско-духовных» посольств осознавалась самими византийцами, так как в нашем случае патриарх специально обратил на это внимание и предостерег апокрисиариев от возможных разногласий.

Было бы неверно, однако, думать, что послушание послов являлось абсолютным во все времена: известны их открытые и острые несогласия во время заключения Флорентийской унии в 1439 г., известно и о том, что за 165 лет до этой унии, несмотря на гнев императора, великий логофет Феодор Музалон наотрез отказался участвовать в посольстве, которое должно было подписать Лионскую унию (*Pachym. Hist.* II. P. 15; *Greg.* I. P. 21, 49.7—12).

Интересно также отметить, что в источниках того времени не упоминается участие переводчиков в составе посольств, хотя при подписании венецианско- и генуэзско-византийских договоров в Константинополе почти всегда присутствует «великий толмач» (*μέγας διερμηνευτής*, *magnus interpres*), в обязанности которого входило главным образом осуществлять практическое документальное оформление договора в его двуязычном варианте³⁰. Известно, что в ранние периоды византийской истории, когда знание нескольких языков было

²⁹ *Медведев И. П.* Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. Т. 7. С. 290—291.

³⁰ *Dölger.* Reg. N 2891, 3373, 3408, 3433, 3516; *Медведев И. П.* Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // ВВ. 1977. Т. 38. С. 165.